

Зрение у Тан Буфаня было слабым, но он ещё издали узнал Лу И. Пышная копна золотистых кудрей, подсвеченная лучами заходящего солнца, сияла точно так же, как в его воспоминаниях. Лу И был всё так же красив.

— Лу И! Лу И! — обрадованно закричал Тан Буфань. Он не удержался, забрался на крышу дома на колёсах и замахал руками, стараясь привлечь внимание юноши.

Зверолюд тоже заметил его и в ответ вскинул сильную руку. Так они и стояли в сгущающихся сумерках, разделенные бескрайней пустошью, посылая друг другу молчаливые приветствия.

Когда руки наконец затекли, Тан Буфань, невольно улыбаясь, быстро скользнул обратно в люк. Спускаясь по подвесной складной лестнице, он неловко спрыгнул и припал на больную ногу, но тут же опёрся о стенку кузова, выпрямился и торопливо выбежал наружу.

Андерсон тоже завидел Лу И. Он нехотя оторвался от своего мотоцикла, на который до этого лениво опирался, и проводил взглядом Тан Буфаня. Тот бежал навстречу Лу И; просторная одежда колыхалась на ветру, унося за собой пряди чёрных волос.

Тан Буфань из-за крайней худобы казался хрупким, почти бесплотным. Но тонкая светлая кожа и мягкие волосы придавали его облику какую-то невесомую утончённость. Он бежал по золотистому песку в лучах угасающего дня, похожий на лёгкого, парящего духа пустыни.

Глядя на него, Андерсон вдруг поймал себя на любопытстве: каким же этот человек был раньше, до того как болезнь иссушила его тело?

Тан Буфань бежал, и Лу И припустил ему навстречу. Заметив сияющее лицо учителя, он невольно улыбнулся и сам, поражённый тем, как легко этот хрупкий человек управляет его настроением.

Впрочем, дыхалка у Тан Буфаня быстро сдала. Убедившись, что Лу И уже близко и на нём нет видимых ран, он с облегчением выдохнул, остановился и согнулся пополам, уперев руки в колени. Когда он поднял голову, юноша уже стоял прямо перед ним.

Они смотрели друг на друга, шумно дыша. Слов не находилось. Наконец Лу И не выдержал — шагнул вперёд, обнял Тан Буфаня и крепко прижал к себе.

Тан Буфань растерялся. Грудь после бега ходила ходуном, а от тепла, исходившего от сильного тела Лу И, собственное сердце забилося ещё отчаяннее.

Помедлив секунду, он робко поднял руки и обнял юношу в ответ, уложив худые, вечно заблуждающиеся ладони на его обнажённую, литую спину.

«Не нужно ничего придумывать, — мысленно приказал себе Тан Буфань. — Это просто

объятия».

— Как хорошо, что ты цел, — негромко выдохнул он. Тяжёлый камень, четыре дня давивший ему на грудь, наконец-то скатился.

Поддавшись порыву, Лу И лишь теперь осознал двусмысленность своего жеста. Он торопливо разомкнул объятия, шагнул назад на пару шагов и слегка покраснел.

— Прости, учитель, я заставил тебя волноваться. — Лу И ласково посмотрел на него сверху вниз, а затем мягко приподнял его заострившийся подбородок: — Ты что, опять похудел?

— Да нет... всегда таким был, — Тан Буфань неловко уклонился от его пальцев и отвернулся. В груди тоскливо заныло: — На мне и так одни кости остались, куда уж дальше худеть.

— Ты ввёл антидот? — спросил Лу И.

— Да, ещё позавчера, сам справился, — ответил Тан Буфань, увлекая Лу И за собой к лагерю. Не желая, чтобы тот лишний раз переживал, он приподнял край свободной штанины, обнажая бедро: — И рана почти затянулась. Видишь? При ходьбе уже совсем не больно.

Лу И скользнул взглядом по бедру. Рана, которую он зашивал собственными руками, покрылась тёмной коркой, но та ещё не успела сойти. Он присел и осторожно коснулся пальцами стянувшихся краёв — кожа была ровной, без грубых узлов.

— Надеюсь, обойдётся без уродливого шрама, — негромко вздохнул он, выпрямляясь.

— Главное, что я вообще дышу, — Тан Буфань улыбнулся уголками губ. Он ещё два года назад научился не забивать голову мыслями о собственной внешности.

Поодаль, развалившись на своём чёрном байке, за ними лениво наблюдал Андерсон. Стоило Лу И заметить этот глумливый взгляд, как в груди вскипела глухая ярость. Он вполголоса спросил Тан Буфана:

— Этот ублюдок не донимал тебя, пока меня не было?

— Нет, — Тан Буфань тоже скользнул взглядом по фигуре сереброволосого хищника. На губах его появилась горькая усмешка: — Он не убьёт меня. Я нужен ему живым лишь для того, чтобы изводить тебя.

— Изводить? — Лу И нахмурился.

— Ты ведь наотрез отказываешься связывать себя брачными узами, верно? А я стою на пороге смерти. Он рассчитывал, что в отчаянии я начну умолять тебя поставить мне метку. — Тан Буфань тихо вздохнул: — Ты слишком благороден и мягкосердечен. Если бы я взмолился о спасении, это загнало бы тебя в угол.

Лу И промолчал, а голос Тан Буфania стал ещё тише:

— Поставь ты мне метку через силу — я выживу, но ты всю жизнь будешь чувствовать себя в ловушке. Откажи ты мне — я умру, и тогда тебя сожрёт чувство вины, будто это ты обрёк меня на гибель. Как ни поступи, ты останешься несчастным.

План Андерсона был изощрённо жесток: он превратил угасающую жизнь человека в орудие пытки для Лу И.

Лу И не находил слов. Тан Буфань осторожно коснулся его плеча, слегка сжав пальцы.

— Не бойся, твой учитель никогда не опустится до таких просьб, — мягко произнёс он, и во взоре его промелькнула глубокая, застарелая печаль. — Моё нынешнее существование... я цепляюсь за него вовсе не ради того, чтобы просто длить свои дни.

Лу И нахмурился сильнее. Его золотисто-зелёные глаза уставились на учителя. Эти заверения не принесли ему облегчения — напротив, в груди словно туже затянулся узел.

— Вообще-то...

Тан Буфань обернулся. В последних лучах заката тускло сверкнул серебряный кодовый ошейник, плотно облежавший его шею. Острый блеск этого металла заставил Лу И осесть — слова застряли в горле.

— Что такое? — удивлённо спросил Тан Буфань.

— ... Ничего, — покачал головой юноша, так и не решившись высказать то, что крутилось на уме.

А думал он о том, что раз уж он всё равно никогда не свяжет себя браком, то в крайнем случае... почему бы не помочь Тан Буфаню выжить, обратив его в полузверолода? Никакой любви, никаких брачных клятв до гроба. Они просто останутся учителем и учеником — на всю жизнь.

Время, проведённое в скитаниях с Тан Буфанем, дарило Лу И удивительное чувство свободы и покоя. Каждый день они созерцали безбрежные горные хребты, охотились в диких бескрайних пустошах. И когда юноша возвращался в лагерь затемно, со связкой хвороста на плечах, он неизменно видел у открытой двери фургона хрупкую фигуру учителя. Тот ждал его,

подсвеченный изнутри мягким, тёплым сиянием ламп.

Вдали от удушливых интриг Федерации все тревоги рассеивались. Казалось, во всей вселенной они остались совершенно одни.

Но Тан Буфань стремился обратно, в Подземный город. И становиться полузверолоудом он не желал ни при каких условиях.

Лу И даже не нужно было спрашивать об этом. Серебряный ошейник на шее мужчины говорил сам за себя.

Лу И невольно замедлил шаг. Глядя на удаляющуюся в оранжевом мареве заката фигуру учителя, он вдруг ощутил, как к горлу подкатывает глухая, щемящая тоска.

Когда они приблизились к дому на колёсах, Андерсон, по-прежнему подпиравший свой байк, проводил их издевательским взглядом.

— С возвращением, Сяо Луи, — хмыкнул он.

Лу И даже не повернул головы. Проигнорировав выпад, он поднялся вслед за Тан Буфанем по ступенькам фургона.

Внутри Тан Буфань успел навести образцовый порядок, и унылое жилое пространство преобразилось благодаря множеству милых мелочей. На разложенном столике под стеклянным колпаком красовалась пышная алая роза. На кухонной полке аккуратно стояли красные свечи, складывающиеся в заветное число «520». Старинное зеркало Тан Буфань приладил к двери душевой кабины, а у окна повесил круглый стеклянный колокольчик — фурин. Прикреплённый к нему пожелтевший бумажный язычок едва заметно подрагивал от залетавшего в салон сквозняка.

Лу И протянул руку и слегка задел колокольчик пальцем. Тот отозвался чистым, хрустальным перезвоном.

— Вчера откопал в развалинах, — улыбнулся Тан Буфань. — Правда ведь, красивый?

Он присел около двухъярусной железной кровати, собираясь достать для Лу И чистую одежду, но в этот момент спину прошила резкая боль, заставив его судорожно выпрямиться.

— Что со спиной? — Лу И мгновенно оказался рядом и, не раздумывая, вздернул подол его футболки.

Почти всю спину Тан Буфана — исхудавшую до такой степени, что сквозь кожу проступал

каждый позвонок — покрывала огромная чернильно-фиолетовая гематома. Вид этого жуткого кровоподтёка заставил Лу И вздрогнуть. Взгляд его мгновенно заледенел.

— Это Андерсон? — процедил он сквозь зубы, готовый в ту же секунду выскочить наружу и вцепиться наглецу в глотку.

— Нет-нет, что ты, — Тан Буфань поспешно перехватил его руку и успокаивающе сжал пальцы. — Помнишь, в ту ночь вы так налетели на фургон, что даже помяли обшивку? Меня просто отбросило на раму кровати. Вот и наставил синяков.

Лу И замер. Он вспомнил, с какой силой швырнул Андерсона на бок машины, и у него защемило сердце от раскаяния.

— Прости...

— Пустяки, через пару дней всё сойдёт, — Тан Буфань, стараясь не тревожить ноющую спину, опустился на пол и вытащил из-под кровати плотный брезентовый короб. — Все твои чистые вещи я сложил здесь.

Он достал со дна поношенную майку с чёрными спортивными штанами и вложил их в руки притихшего юноши:

— Ступай в душ. На тебе живого места от пыли нет.

Юноша и впрямь выглядел чумазым. К тому же он до сих пор стоял полуголым, демонстрируя литой, словно высеченный из мрамора торс с рельефными кубиками пресса. Очертания его грудных мышц были настолько безупречными, что Тан Буфань почувствовал, как предательски краснеют уши. Борясь с искушением рассмотреть это великолепное тело получше, он поспешно отвёл глаза.

Последние несколько дней Лу И мучился от гона. Пытаясь переждать тяжёлый период, он забился в глухую каменистую расщелину, где от невыносимого жара катался по песку. Стоило ему провести рукой по волосам, как из золотистых кудрей посыпалась мелкая пыль. Смутившись, он молча кивнул, забрал одежду и юркнул в душевую кабину.

Едва зашумела вода, Тан Буфань принялся за ужин. Он достал из холодильника размороженное с утра мясо и свежую зелень, собранную накануне. На портативной электроплитке он быстро обжарил сочные ломти, сдоблив их мелко порубленным чесноком для аромата, и выложил на тарелку, украсив листьями салата. На оставшемся в сковороде масле он припустил побеги водяного шпината, а затем поставил томиться наваристый бульон из свиных рёбрышек с белой редькой.

Когда Лу И вышел, накинув на влажную голову полотенце, перед ним предстала уютная

картина: Тан Буфань как раз расставлял тарелки на маленьком складном столике.

— Ого, какой пир! — невольно улыбнулся юноша.

На самом деле стряпня Тан Буфania была непритязательной, но для Лу И эти нехитрые блюда казались верхом кулинарного искусства. Единственное, что слегка омрачало его радость — обилие зелени на столе.

— Обычно ты у нас за повара, надо же и мне внести свою лепту, — смущённо улыбнулся Тан Буфань, приглашая его за стол.

Лу И столько сделал для него, а сам он мог отплатить лишь такой заботой в мелочах.

Юноша послушно опустился на сиденье напротив, перебросив полотенце через шею, чтобы стекающие с волос капли не падали на одежду.

Тан Буфань слегка подался вперёд, приняхиваясь, и удивлённо спросил:

— Ты почему не взял мыло с эфирными маслами?

Он ведь специально открыл новую ароматную упаковку и положил в душевой, надеясь порадовать уставшего парня.

— Уж очень оно душистое, я бы обчихался, — с улыбкой пояснил Лу И. Чутьё у звероловдей было невероятно острым, и столь концентрированный запах казался ему невыносимым.

— А, точно, — спохватился Тан Буфань, мысленно пообещав себе позже разбавить обмылок водой и перелить во флакон с дозатором, чтобы запах стал слабее.

Пока Тан Буфань молча жевал, размышляя о своём, Лу И заворожённо разглядывал его лицо. Нет, ему не показалось: учитель действительно ещё больше осунулся. Глазницы обозначились резче, а бледные щёки ввалились.

Юноша перевёл взгляд на тарелку мужчины. Тот положил себе крошечный, почти прозрачный ломтик мяса. Сколько бы Лу И ни пытался откармливать его, больной желудок угасающего Тан Буфania попросту не справлялся с тяжёлой пищей.

В груди у Лу И неприятно закололо.

— Завтра же выдвигаемся, — твёрдо произнёс он.

— Но канистры с топливом всё ещё завалены обломками, — возразил Тан Буфань. Накануне он пытался расчистить завал самостоятельно, но глыбы оказались неподъёмными для его слабых рук, так что пришлось оставить эту затею и просто собирать мелкий хлам неподалёку.

Причём этот негодяй Андерсон пальцем о палец не ударил — лишь сидел на своём байке и лениво наблюдал за его тщетными потугами.

— Я сейчас же пойду и всё раскопаю, — Лу И принялся уплетать ужин с удвоенной скоростью.

Глядя на то, с каким аппетитом юноша поглощает его стряпню, Тан Буфань мягко улыбнулся. В душе всколыхнулось удивительно тёплое, почти родительское чувство гордости за сытого ребёнка.

Но тут взгляд его упал на край чужой тарелки, и улыбка мгновенно угасла.

— А зелень кто будет есть? — Тан Буфань строго указал на нетронутые листья салата, которые он так бережно выкладывал для красоты.

Лу И замер с набитым ртом, спешно сделал глоток наваристого бульона и пробормотал:

— Да ем я...

Тан Буфань лишь укоризненно покачал головой. Сколько он ни силился вспомнить, Лу И действительно никогда не притрагивался к овощам. Единственным исключением был тот злополучный кактус, от одного кусочка которого парень скривился так, словно проглотил яд.

— Тебе расти ещё надо, без витаминов нельзя...

— Я наелся! — перебил его Лу И и, точно спасаясь бегством, пулей выскочил из фургона: — Учитель, я пошёл за топливом!

Проводив его ошеломлённым взглядом, Тан Буфань тихо рассмеялся. Качая головой, он придвинул к себе тарелку юноши и переложил оставленные листья салата в свою порцию.

— Ну надо же, какой привередливый... Хоть суп выпил, и то ладно, — проворчал он под нос. Не пропадать же добру — он взял пиалу Лу И и сделал пару глотков оставшегося бульона. — И совсем не невкусно. Подумаешь, редька...